

автор вкладывал часть своих заработанных личных гонораров и сбережений в обеспечение жизни детского сообщества, делал это исключительно по долгу совести, как гражданин своей страны. Без пафосной напыщенности, ожидания благодарности, стремления к почестям или наградам. Конечно, такая позиция кого-то напрягала и настораживала, кого-то восхищала и вдохновляла. Одно точно: никого, кто знал и знает Крапивина, она не оставляла равнодушной.

Интервью взяла Д. Крапивина

ЭССЕ

А. Мельников

ЗАЧЕМ ПОДРОСТКУ ЧИТАТЬ КРАПИВИНА?

Вы читали повесть Владислава Петровича Крапивина «Семь фунтов брамсельного ветра» (2003)?

Ты посмотри, мы живем как в оккупированной стране. На каждом углу *эти* (курсив В. П. Крапивина), обвешаны дубинками, наручниками, рациями, пистолетами, как новогодние елки игрушками. Сирены их воют на улицах без умолку. А какой прок? Хотя одно заказное убийство раскрыто? Валютчики нагло торчат на каждом углу, наркотиками торгуют в любом квартале, бандюги открыто разъезжают на «мерседесах», а *они* (курсив В. П. Крапивина) с ними за ручку здороваются! [Крапивин 2007, с. 352].

Наш дивный мир в начале третьего тысячелетия очень мало напоминает солнечный полдень в райском саду. Гораздо больше этот наш мир напоминает темную полночь на минном поле. Но, впрочем, жить (и счастливым быть!) можно даже тут, имея на руках подробную карту, отражающую расположение мин. Произведения В. П. Крапивина — нечто вроде такой карты.

Предвижу возражение: «Почему именно Крапивин? Практически вся детская литература выполняет функцию социализации. А его помнят и знают — чуть ли не наизусть!» Подробно анализировать всю детскую литературу, созданную в России, я не буду. Это тема для отдельной статьи — или даже целой книги. Но краткий обзор таких книг я произведу, дабы установить: в чем же она, специфика рассказов, повестей, романов В. П. Крапивина, заключается?

Оставив в стороне стихи (Г. Сапгир «Людоед и принцесса, или Все наоборот» и др.), а также — сказки (Э. Успенский «Дядя Федор, пес и кот» и др.), что же мы увидим? Три большие группы. Во-первых, советские писатели, которых можно назвать «евангелисты-ленинцы»: Н. Крупская и др. Во-вторых, русские писатели, коих можно обозначить «природоведы-живописцы»: М. Пришвин и др. Наконец, в-третьих (перечисляю по старшинству): Л. Кассиль, Л. Воронкова, С. Михалков, С. Алексеев, А. Митяев, А. Алексин, С. Баруздин, И. Токмакова и др. Не ручаюсь за полноту списка, зато предлагаю общий заголовок: «Кассиль и его команда». Отсутствие

конфликтов как основной принцип при изображении подростков — вот что объединяет (и очень обедняет!) всех этих авторов.

В частности, литературные герои в повести Л. Кассиля «Будьте готовы, Ваше высочество!» (1964) так же мало похожи на живых людей, как всесоюзный пионерлагерь «Артек» (полуостров Крым на Черном море) — на загородный пионерлагерь «Чайка» (Нижне-Увельский район Челябинской области). Там я ежегодно проводил не менее одного месяца в течение шести лет (1976–1982).

От бесконфликтности всего один шаг до беспринципности — и в прозе, и в стихах! «Что такое хорошо и что такое плохо?» (1925), «Конь-огонь» (1927), «Кем быть?» (1929) — без этих книг В. Маяковского просто немыслима наша детская литература. Однако в 1923 г. тот же самый автор опубликовал поэму «Вон самогон!» [Маяковский 1978, с. 306]. А в 1923–1925 гг. В. Маяковский, выполняя заказ «Моссельпрома», обнародовал двадцать пять рекламных лозунгов, посвященных никотину и алкоголю, включая табак «Джевиз», пиво «Двойной золотой ярлык», папиросы «Герцеговина Флор» [Маяковский 1978, с. 324–326].

Напротив, совсем не детская принципиальность (и некоторая конфликтность — как ее следствие!) является типичной для персонажей В. П. Крапивина. Яшка из повести «Та сторона, где ветер» (1967), капитан-лейтенант Алабышев из романа «Острова и капитаны» (1988), — для любого из них конфликт завершается смертью, но ни один из героев не кажется побежденным. Наоборот — в нравственном отношении любой из них выглядит победителем. Все трое погибают, спасая других людей.

Хотел бы подчеркнуть: я не противопоставляю В. П. Крапивина всей остальной детской литературе. Тем паче, что сам он много раз высказывался иначе. В повести «Колыбельная для брата» (1979) Митька-Маус, что «был вертлявой личностью восьми с половиной лет» весело сообщает: «Ха, ‘Незнайка на Луне’! Я эту книжку уже десять раз читал» [Крапивин 1980, с. 121]. Только один из сотни текстов, вошедших в «Собрание стихотворений» (2001), посвящен советскому писателю — «Гайдар» [Крапивин 2001, с. 449–450]. «Как говорил А. С. Грин, детское живет в человеке до седых волос», — читаем в «Комментариях к собранию сочинений» (2008) [Крапивин 2008, с. 636].

Более того, В. П. Крапивин порой защищает советских писателей от нынешних критиков: «Ну, за что он обозвал старых наших фантастов (которых любили и любят миллионы читателей) Г. Гребнева и Н. Трублаины авторами ‘чекистско-фантастических романов’? А ма-

ленького Павлика из знаменитой ‘Тайны двух океанов’ фактически возвел в ранг нештатного агента НКВД. Подумать только, Павлик помог разоблачить шпиона Горелова! Как он смел, мальчишка! Ну и что же, что Горелов враг?! Все равно он — взрослый» [Крапивин 1994а, с. 72].

Кроме опубликованных книг Владислава Петровича, данная статья содержит его устные высказывания. Они были записаны мною при личных беседах с В. П. Крапивиним (далее — В. П. К.). Впервые мы беседовали в Библиотеке Главы г. Екатеринбург в апреле 2004 г. Второй раз — в Уральском государственном университете в мае 2005 г. Эта беседа (без моего имени) была частично опубликована в газете «Вечерний Екатеринбург» 19 мая 2005 г. Третья встреча имела место в екатеринбургском офисе московского издательства «Эксмо» в октябре 2006 г.

В. П. К.: «Однажды я прочел на сайте газеты ‘Аргументы и факты’ интервью с Анатолием Приставкиным. Оказывается, в России (в 2011 г.) около пяти миллионов беспризорников. И всем они — до лампочки. Значит, нужно детское кино, детское ТВ, детские книги об этом, верно? Благополучные школьники, читавшие мои книжки, это приятно! Но что делать с теми миллионами, о которых говорил А. Приставкин? Уж читать — ладно, накормить бы их! Когда в 1983 году я писал о них в ‘Островах и капитанах’, бродяжек было гораздо меньше...».

Беспризорность и беззащитность — это не одно и то же, но между ними немало сходства. К счастью (если можно так сказать!) бездомными бродягами в наши дни являются далеко не все дети. Другое дело — нелегкая ситуация, в которую попадает почти каждый ребенок, впервые оказавшись среди совсем незнакомых и не очень-то дружелюбных ровесников. Например, в муниципальном дошкольном образовательном учреждении «детский сад».

«Струна и люстра. Мысли и заметки о ребячьих отрядах» (2008):

Мне, автору детских рассказов, было интересно с ребятами, им было интересно со мной. Но между собой они общались на каком-то совершенно диком уровне: с гвалтом, криками, вечной возней (в которой порой проскальзывала нештучная агрессивность), с прозвищами и ‘подначками’... Им все это казалось естественным.

— Люди, а вы зачем ко мне ходите?

— А нам хорошо!

— Врете вы! Вам хорошо, как дикарям, не умеющим цивилизованно относиться друг к другу. Сперва поиграли вместе, потом скушали» [Крапивин 2008, с. 321].

В. П. К.: «Как я сблизился с ‘Комсомольской правдой’? После четвертого курса, в 1960 г., меня в эту столичную газету отправили на практику. В “Комсомолке” я попал в отдел учащейся молодежи. В нем была Елена Брускина, замечательный журналист. И Сима Соловейчик, идеолог “педагогике сотрудничества”. Он начал меня ценить, когда я его выручил с заголовком. Тогда только-только появлялись “группы продленного дня”, позднее названные “продлюгами”. Мой заголовок был такой: “Хмурое утро продленного дня”. Потом возник материал о первом сентября. А потом был целый репортаж о Феликсе Золотареве, пионервожатом из московской школы...».

«Ребенок совсем не хочет учиться!» — эта фраза среди родителей, пожалуй, так же популярна, как заявление: у меня больше нет сил. Между тем, в учебе ли проблема? Быть может, проблема заключена в отсутствии свободного выбора? От девяти до одиннадцати лет маленький человек вынужден находиться в помещении, которое не он выбрал. Он должен общаться с людьми, которые ему не интересны (мягко говоря!). И принужден следовать распорядку, который не он составил. Нет ли тут некоторого сходства с федеральным казенным учреждением «исправительная колония»?

«Крапивинский календарь» (2008):

4-го сентября (1945) пошел в первый класс тюменской начальной школы № 19, что на улице Ленина, рядом со Спасской церковью (где в ту пору была библиотека). Начать учебный год 1-го сентября не удалось: не было обуви. Первый конфликт с системой народного образования: хотел раньше срока уйти домой, а учительница вцепилась в плечо. «Завтра без мамы в школу не приходи!» [Крапивин 2008, с. 459–460].

В. П. К.: «Критиковать в Сети меня пытаются все время! Однажды в Интернете возник некто Улан. Он оказался бывшим эмвешником. Сказал, что над моим “Взрывом генерального штаба” смеются даже малые дети. Ибо “инструкции любых спецслужб предписывают агентам не контактировать между собой”. А мои мальчишки, сами понимаете! Меня за них сразу начали долбить. Есть на ресурсе такая группа — “Люди в погонах”, иначе — ЛВП. Их основной упрек: “За что вы нас так не любите?” Мое любимое замечание: “Назовите себя просто — милиционеры”. Ведь ЛВП — это и армия, и летчики, и моряки...»

Охрана общественного порядка и нарушения уголовного закона — между ними, на первый взгляд, нет ничего общего. А вы откройте любой Интернет-ресурс да загляните в отдел «Проис-

шествия». И прочитайте там, например, о четырех с половиной миллионах рублей — столько двое полицейских вымогали у одного бизнесмена. А вам известно, сколько убийств было «записано в суициды», дабы не заводить уголовные дела, что «испортят всю отчетность»? И почему тот, кто сбил на автомобиле трех человек насмерть, отделался всего двумя годами условно?

«Белые башни Родины» (2000):

Было удивительно, что тебя со свитой журналистов возят по улицам, где ты бежал с приятелями, спасался от шпаны, с замиранием разглядывал узоры старых особняков и гонял по чертополоху самодельный футбольный мяч. По улицам, где тебя изловил (непонятно, за что!) свирепый милиционер и поволок в детскую комнату [Автограф 2000, с. 190].

В. П. К.: «У нас в отряде — дисциплина не навязывалась извне! “Каравелла”, возникшая в ноябре 1961 г., это парусная флотилия. Где от порядка и дисциплины, от четкости исполнения зависит безопасность и жизнь каждого. Я предъявлял твердые требования, их выдерживали не все ребята. Дети есть дети, иногда ездили верхом на швабрах. Как я призывал их к порядку? “Юнга, ты чего там жуешь?” “Жевачку!” “Выплюнь сейчас же!” “А что?” “А то, что яхта — на воде, ее качает всюю, ‘жевачка’ может угодить в дыхательное горло”. “И что?” “И то! Ты — в гробу, я — в тюрьме, папа с мамой — в слезах...”».

Неподчинение и подчинение — верно ли мы ставим вопрос? Быть может, лучше сказать: слепое повиновение и уважительное отношение. Проявляя уважительное отношение к старшему товарищу в добровольном ребячем отряде, подросток демонстрирует зрелость своих поступков. Напротив, слепо повинувшись педагогам из муниципального общеобразовательного учреждения «средняя общеобразовательная школа», подросток мало напоминает самостоятельную личность. Скорее всего, он совсем не готов к самостоятельной жизни.

«Журавленок и молнии. Роман для ребят и взрослых» (1983):

И совсем тихо (наверно, думая, что Журка не слышит) возразила ей Маргарита: — Да поймите вы, что дело не в передаче. В нем дело. Если мы его сейчас не убедим, что будет потом? В шестом классе, в седьмом, в восьмом? То, что он делает, — не п о д ч и н е н и е (разрядка В. П. Крапивина). Для школы это хуже хулиганства и воровства.

— Но вы его уже сломали, — пренебрежительно сказала Кергелен.

«Да? — подумал Журка. — Черта с два» [Крапивин 1983, с. 449].

В. П. К.: «Первая большая вещь, изданная в Москве — «Та сторона, где ветер». Эта повесть написана в 1964 году, напечатана в

журнале 'Пионер' в 1965 г. В том же году я ушел на вольные хлеба с членским билетом Союза писателей. Членство в СП — очень много значило в СССР. Сидишь дома, пишешь книжку? Придет участковый: 'Нигде не работаете? Значит, вы — тунеядец! Проживаете на нетрудовые доходы с уклонением от общественно-полезного труда. Статья 209 Уголовного Кодекса РСФСР'. Это без членского билета. А с билетом СП писать книжку на личной жилплощади называлось: нести вахту на трудовом посту...».

Муки совести и буква закона — увы, не всегда они пребывают в гармонии. «Угон судна водного транспорта, а равно захват такого судна в целях угона — наказываются лишением свободы на срок от четырех до пятнадцати лет». Это статья 211 Уголовного Кодекса РФ. Закон суров, но это закон! А если рассудить по-человечески: ну, разве не преступление превращать величавый парусник в питейное заведение? Склаживать водочные бутылки (пустые и полные) в том самом трюме, где раньше хранились артиллерийские снаряды (боевые и холостые).

«Комментарии к собранию сочинений» (2001):

«Баркентина с именем звезды» (1971) — этой повестью автор как бы предсказал судьбу другой баркентины — «Кропоткин», которую превратили в ресторан в Севастополе и которая по неизвестной причине сгорела в конце 1980-х годов. Кроме того, автор слышал историю, что несколько мальчишек в Ленинграде пытались угнать и затопить баркентину «Сириус», чтобы спасти ее от ресторанной участи [Крапивин 2001, с. 524].

В. П. К.: «Я поступал в Уральский госуниверситет имени А. М. Горького в 1956 г. Приехал из Тюмени с клеенчатым школьным портфельчиком. Он был перевязан шнурком от ботинка. Почему? Потому что замочек то и дело отскакивал. Я сдал в приемную комиссию свой аттестат с четырьмя “тройками”. По математике — три штуки было и одна “тройка” — по географии. Узнал, что конкурс — 13,5 человек на место. И подумал так: “Пойду рабочим в геологическую партию! Если вернусь домой, несолоно хлебавши...”».

Учиться дальше или начать работать? Любой нормальный школьник, заканчивая последний класс, думает о вузовских аудиториях и заводских корпусах. Худо, когда эти мысли носят отвлеченный и беспредметный характер. Плохо ведь, если семнадцатилетний подросток не имеет определенного представления об условиях поступления? И не заботится о том, чем займется в случае неудачи. Еще хуже для выпускника — чрезмерно полагаться на мнение родителей, что из самых лучших побуждений — могут дать не самый лучший совет.

«Семь фунтов брамсельного ветра» (2003):

Когда Илья кончил школу... он взял да и подал документы на философский факультет. Мама опять ахнула: «Ты с ума сошел? Зачем тебе это? Все говорят, что ты компьютерщик от Бога!» Илюха объяснил, что хитрости программирования... он в состоянии постигнуть сам... «Кроме того, — добавил брат, — на философский поступить легче. Там декан — классный мужик, взятки не берет. А на остальные факультеты — без “бабок” не невпротык» [Крапивин 2007, с. 353].

В. П. К.: «За что мне вручили премию губернатора Свердловской области? Прежде всего — в Москве (в 1998 г.) вышла книга с двумя вещами! “Самолет по имени Сережка” и “Взрыв генерального штаба”. Комиссия испытывала трудности. Автор очень известный, не дать ему премию просто нельзя. Но как же можно давать премию, если автор ругает: генералов, военных, армию? Неудобно! Они написали так: “Дать премию за повесть ‘Самолет по имени Сережка’, опубликованную в книге ‘Взрыв генерального штаба’”. Ну, похихикал я, конечно...».

Идти в ряды Российской Армии или «закосить наглухо», уклоняться от всеобщей воинской повинности? Надо полагать, что первые мысли о данном выборе у любого юноши возникают намного раньше восемнадцатого дня рождения. «Есть такая профессия — Родину защищать!» — пафосно восклицает советский актер, размахивая пашкой в советском фильме. «Кто тебе сказал, что ты служишь России? Салага, ты служишь дембелю!» — говорят очевидцы, за плечами у которых — 365 дней в кирзовых сапогах.

«Синий город на Садовой. Повесть 1990 года» (1992):

И когда увидел избитое, в рубцах и ранах, тело, ясно стало, что не было самоубийства. Просто не научился Михаил Горецкий гнутья ни перед кем, в том числе и перед толстомордыми, привыкшими к безнаказанности армейскими «дедами». Себя не давал в обиду, а потом заступился за щуплого, затюканного новобранца. И ночью толпа соблюдавших свой закон «дембелей» избил Мишу так, что он умер от сотрясения мозга [Крапивин 1994б, с. 16].

Я снова листаю «Семь фунтов брамсельного ветра» (2003): «Мама поморщилась: “Илья, ну что за лексикон! Кажется, был интеллигентным мальчиком...” “Я такой и есть. Просто я адекватно реагирую на действительность”» [Крапивин 2007, 354]. Ужели слово найдено? Книги В. П. Крапивина — это учебники, за чтением которых подросток вырабатывает навык — адекватно реагировать на неадекватную реальность. Какую реальность я имею в виду? Наш дивный мир в начале третьего тысячелетия.

Источники

Автограф. Екатеринбургские писатели о себе. Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2000.

Крапивин В. П. Журавленок и молнии: роман и повесть. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1983.

Крапивин В. П. Колыбельная для брата: повесть. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1980.

Крапивин В. П. Пионерско-готический роман, тинэйджеры и «обескураживающие повторы» // Уральский следопыт. 1994а. № 8.

Крапивин В. П. Синий город на Садовой: повести. Нижний Новгород: Нижкнига, 1994б.

Крапивин В. П. Собр. соч. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. Кн. 30: Давно закончилась осада...: роман, стихи, комментарии.

Крапивин В. П. Рыжее знамя упрямства. М.: Эксмо, 2007.

Крапивин В. П. Струна и люстра. М.: Эксмо, 2008.

Маяковский В. В. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1978. Т. 8.

А. Миронов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ИГРУШЕК:

Трансформация образов животных-игрушек в российской литературе

Статья посвящена функционированию образов зооморфных игрушек в русской литературе (сакральная функция оберега; исповедальная функция игрушки; связь игрушки с пространством дома, с его охранительной энергией; игрушка как преданный друг детства). Мир животных-игрушек представлен как особый культурный мир со своими границами, ценностями, языком, образом мышления, чувствами, действиями.

Ключевые слова: зооморфная игрушка, животные-игрушки, эмблематика игрушечных образов, друг детства, детская игра, образы игрушек, плюшевый мишка.

В отечественной и зарубежной детской литературе можно наблюдать особый интерес к образам, характерам и функции детских игрушек разных видов. Данный интерес, возникающий в среде писателей, художников-оформителей детской книги, а также среди издателей детской литературы исторически распределен неравномерно. Особенно ярко он проявляется в те времена, когда в детской литературе начинает обнаруживать себя определенная общественная идея, связанная с трансформацией культурных, идеологических, педагогических установок.

Впервые образы игрушек в детской книге ярко были представлены в эпоху романтизма (первая треть XIX в.). «Именно тогда родилось представление об игрушечном мире как о своеобразном рае, в котором можно укрыться от земного существования», — отмечает М. Костюхина [Костюхина 2008, с. 8].

С появлением первых реалистических текстов для детей игрушка стала восприниматься как часть интерьера детской комнаты. Во второй половине XIX в. игрушка начинает осознаваться как психологическая составляющая мира детства: у ребенка — героя детской книги — прослеживается явная привязанность к игрушке, складывается ряд переживаний и эмоций, связанных с ней. Игрушка становится неотъемлемой частью детского микрокосма.

Основательно образы игрушек входят в детскую литературу в конце XIX — начале XX в. Игрушки становятся самостоятель-